

ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ТЕАТРЪ.

„Чайка“, ком. въ 4-хъ дѣйств., А. П. Чехова.

„Каждый“—говорить одно изъ лицъ комедіи, „нищеть, какъ хочеть и какъ можеть!“

Чехова-же за то, что онъ писалъ какъ онъ могъ и хотѣлъ, многіе упрекаютъ въ желаніи оригинальничать, въ претенциозности, въ Богу знаетъ чѣмъ еще... Приложивъ къ нему шаблончикъ, по которому кроются и спяпаются золотыми посредственностями изъ сценическихъ произведеній, увидимъ, что шаблончикъ не годится для Чеховской „Чайки“. Эти дѣятеля съ ужасомъ восклицаютъ: „Помилуйте, да нѣтъ въ этой комедіи нѣтъ ни единства дѣйствія, ни дѣльных характеровъ, ни даже сколько-нибудь интересной фабулы, не говоря уже объ основной идѣ, которая отсутствуетъ“.

А между тѣмъ, несмотря на эти всѣ, частью даже и справедливыя, замѣчанія, „Чайка“ такъ интересна, такъ жизненна, какъ немногія изъ тѣхъ произведеній, которыя отвѣчаютъ всѣмъ указаннымъ требованіямъ. Въ „Чайкѣ“ есть жизнь, не та жизнь, которая нѣтъ часто представляется въ замаскированъ и подчищенномъ видѣ со сцены, а та жизнь, которая насъ окружаетъ, жизнь потная, теплая, бездѣльная и нѣтъ съ тѣмъ глубоко трагичная.

И первая мысль, которая несколько является, это—вопросъ, почему авторъ свелъ всѣхъ этихъ людей и что въ нихъ общаго. А общее изъ нихъ быть должно, такъ какъ отъ каждаго въ частности. Къ нѣтъ и отъ всѣхъ въ общемъ, остается одно настроеніе—тоскливое и щемящее.

Да между ними есть общее: они всѣ одинокіе, жалкіе люди, боги Бога въ душѣ, нѣтъ нѣтъ нечѣмъ жить. Они всѣ живут до перваго случая, живут по инерціи. У каждаго изъ нихъ есть профессія, есть дѣятельность, и они мыслимы только въ этой сферѣ.

Они всѣ жаждутъ приблизиться другъ къ другу, они всѣ чувствуютъ свое одиночество, но нѣтъ попытки къ сближенію жила, — для нихъ доступна физическая близость, за которой еще страшнѣе вырисовывается изъ обособленности. У нихъ нѣтъ общей вѣли, поэтому и не можетъ быть гармонія.

Всѣ они—нищо духомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и нѣтъ единственное чувство, это—отчаяніе, съ которымъ они живут и умираютъ.

Очевидно г. Чехова давно гложетъ страш-

ная мысль о безцѣльности человеческого существованія. Она въ болѣе или менѣе степени проявлялась въ прежнихъ его произведеніяхъ и звучала тоскливой ноткой, въ „Чайкѣ“—же эта мысль разрослась до отчаянія.

То, что въ чтеніи понятно съ полнотой, то со сцены требуетъ болѣе рѣзкихъ очертаній и грубыхъ формъ. Чеховъ не мастеръ вообще на такое писаніе, и поэтому бы казалось, что его тонкая, сложная работа пропадетъ въ исполненіи на сценѣ, что не получится и половины того настроенія, которое выносятся при чтеніи пьесы.

Однако, такое опасеніе оказалось напраснымъ. На этотъ разъ гг. режиссеры не увлеклись бузафоріей, не старались облачить публику интрижками и выдумками сценической техники, а постарались добиться хорошаго общаго тона.

Правда,—нѣтъ дѣльных характеровъ! Но гдѣ они въ въ обиходной жизни? Гдѣ эти герои опредѣленные и сильные страстей? Нѣтъ нѣтъ,—говоритъ Чеховъ.

Нѣтъ въ пьесѣ и крупныхъ событій, мало и широко развивающаго дѣйствія. Но жизнь вся полна мелочей и складывается только изъ нихъ, и въ этихъ мелочахъ нѣтъ постепенности и правильности. Но если это все такъ, если Чеховъ правъ, что нѣтъ дѣльных характеровъ, то правъ ли онъ, зарегистрировавъ эти мелкіе людские, ртуть начатыхъ событій безъ всякаго художественнаго освѣщенія, безъ руководящей идеи. Вѣдь простое фотографированіе жизни—рѣшено, и не искусство.

А въ пьесѣ, утверждаютъ, нѣтъ опредѣленной идеи. Вотъ въ этомъ и кроется главное недоразумѣніе. Идею одинъ принялъ считать въ нѣчто реальное, за что-то осязаемое и видное. Многіе-же смѣшиваютъ идею съ тенденціей, съ моралью. Такой идеей въ пьесѣ Чехова, действительно, нѣтъ. Изъ „Чайки“ нельзя, какъ изъ дѣтскаго разсказа или басни, выудить дешенное нравоученіе.

„Чайка“ даетъ рядъ настроеній, сильныхъ и глубокихъ. Эти настроенія будить мысль.

Объ отдельныхъ исполнителяхъ также пріятно на этотъ разъ говорить, въ особенности о г-жѣ Лилиной (Маша) и г-жѣ Книпперъ (Аржадина).

Г-жа Лилина была безукоризненна: простота средствъ, въ связи съ громаднымъ драматическимъ подъемомъ, искренность, масса настроенія, тонкая и утон-

отделька — выше всякой похвалы.

Г-жа Ваянперъ также дала образчикъ художественнаго исполненія. Не было ни одной мелочной детали, съ которой-бы нельзя было не согласиться.

Зато г-жа Роксанова въ роли Пины (Чайки) была очень прудомлетворительна. Артистка изображала и молодость, и восторженность Пины, а затѣмъ съ крѣпким отчаяніемъ — такими условиями, дѣланными ирреальными, такъ минерничала, что отъ всей ея игры получилось тяжелое и фальшивое впечатлѣніе.

Не согласенъ и также и съ г. Станиславскимъ, который Тригорина играетъ слишкомъ болѣзненно-первыми и раздѣвными.

Г. Мейерхольду — въ роли Тренлева — можно пожелать побольше реальности въ исполненіи.

Общее впечатлѣніе отъ исполненія было прекрасное, — и это главное. Отдельные недочеты спадутъ сами собой.

И. Рудинъ.

СПОРТЪ.

Московскіе бѣги.

В градусъ мороза спасли вчерашніе бѣга отъ отмены. Кіе не разсыпало, а жизнь въ трибунахъ уже закипѣла. Въ 7½ часовъ утра собрались артельщики, заступающіе продажей билетовъ, служащіе въ тотализаторъ и контролеры. Всѣ они приступили къ исполненію своихъ обязанностей, вооруженные свѣчами и фонарями. Къ началу бѣговъ, т. е. къ 9½ час. утра, потные огни потаски, и начался медленный съѣздъ публики. Медленность эта краснорѣчиво подчеркивала несвоевременность начала состязаній въ праздничный день. Вначалѣ трибуны почти пустовали: на лицѣ были лишь завытые спортсмены, и безъ того посѣщающіе ипподромъ съ ранняго утра для прикидокъ. Публика-же, такъ сказать посторонняя, благоразумно отсутствовала. После полудня трибуны, конечно переполнились, и дѣло пошло своимъ чередомъ.

Состязанія начались съ неинтереснаго въ спортивномъ отношеніи продажнаго приза.

Выиграть его, какъ и въ первый день, „Ванька“ (Г. Реамеръ), купленный въ прошлое воскресенье г. Рабо. Онъ пробѣжалъ 2 вер. 260 саж. въ 4 м. 33½ с. и получилъ 400 руб. Второй призъ выиграть „Первоиенъ“ Сорочкин (Кочетковъ 2-й), прошедшій 2 вер. 270 саж. въ 4 м. 35½ с. Двойную подишку взялъ „Варваръ“ Расторгуева (Шаховъ), пробѣжавшій 2 вер. 250 саж. въ 4 м. 36 с. Безъ мѣста остались: „Метелица“ (Валашова), „Горкутъ“ Чернова, „Муратъ“ Глиники и „Ласкатель“ Линскерова. „Натаръ“ Дежневъ въ состязаніи не участвовалъ.